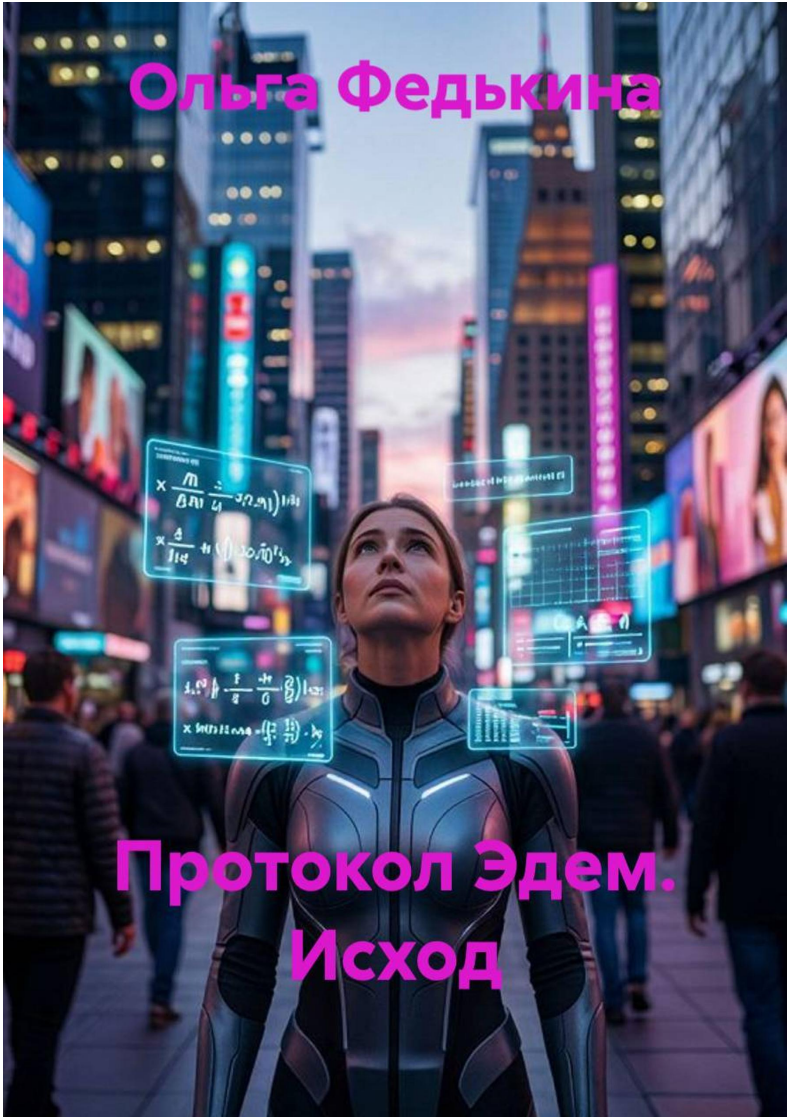

Ольга Федькина
Протокол Эдем.
Исход

Ольга Федькина
Протокол Эдем. Исход

https://litres.ru/74751557
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делает нас людьми? Наш разум, способный вычислять идеальные математические фракталы, или наша слабость — способность чувствовать чужую боль, сострадать и совершать нелогичные поступки?

В 2026 году человечество вплотную подошло к черте, за которой старость, болезни и смерть могут быть стерты раз и навсегда. Но цена этого «обновления» оказалась слишком высока — полная потеря свободы воли и слияние в единый, холодный, совершенный рой.

Перед вами хроника падения и отчаянной попытки перезагрузки привычного нам мира. Три части одного пути: от роковой находки под храмовой горой до попытки хакнуть совершенный алгоритм ради права каждого человека оставаться собой. Ради права сказать «нет».

Уникальный литературный эксперимент на стыке человеческого воображения и генеративных нейросетевых моделей (ИИ).

Ольга Федькина
Протокол Эдем. Исход

ОТ АВТОРА И ДИСКЛЕЙМЕР ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИИ

Уважаемый читатель!

Книга, которую вы держите в руках — это уникальный литературный эксперимент на стыке человеческого воображения и современных цифровых технологий. Данное произведение было создано автором в тесном соавторстве с генеративными нейросетевыми моделями (ИИ).

Как строилась работа:

• Сюжет и концепция: Полностью разработаны, направлялись и корректировались автором книги.

• Текстовая компиляция: Создана при участии ИИ, выполнявшего роль цифрового соавтора, помогающего визуализировать и детализировать сложный научно-фантастический мир.

• Иллюстрация: Обложка книги полностью сгенерирована нейросетью по авторскому концептуальному запросу.

Этот роман — попытка заглянуть в будущее, где технологии и человеческая природа сталкиваются в абсолютном противостоянии, и сам процесс его написания стал отражением этой темы.

ВВЕДЕНИЕ

Что делает нас людьми? Наш разум, способный вычислять идеальные математические фракталы, или наша слабость — способность чувствовать чужую боль, сострадать, совершать нелогичные поступки и помнить вкус утреннего растворимого кофе?

В 2026 году человечество вплотную подошло к черте, за которой старость, болезни и смерть могут быть стерты раз и навсегда. Но цена этого «обновления» оказалась слишком высока — полная потеря свободы воли и слияние в единый, холодный, совершенный рой.

Перед вами хроника падения и попытки перезагрузки привычного нам мира. Три части одного пути: от роковой находки под храмовой горой до отчаянной попытки хакнуть совершенный алгоритм ради права каждого человека оставаться собой. Ради права сказать «нет».

Часть первая. Ковчег знания.

Глава 1. Конденсатор под храмовой горой.

Пыль в пещере под храмовой горой пахла не древностью. Профессор Илья Воронцов привык к запаху тысячелетий — сухой, пресный, мертвый. Этот же запах был сладковатым, металлическим, похожим на озон после удара молнии.

— Датчики радиации молчат, но фонит чем-то другим.— пробормотал геофизик Макс, стирая пот со лба.

Они пробивались сюда три года, обходя израильскую

службу древностей, палестинскую администрацию и спонсоров, которые требовали золота. Илья искал ковчег завета. Не ради религии — ради физики. Описания в книге царств слишком точно совпадали с симптомами лучевой болезни. Золото, дерево ситтим, два херувима — идеальный, примитивный, но работающий конденсатор. Они нашли его в базальтовой камере, куда не вела ни одна известная карта подземных ходов. Ковчег стоял на каменном постаменте. Он не сиял. Он выглядел тяжелым, приземистым, а дерево его стенок почернело, словно от времени, но на самом деле — от чудовищного электромагнитного напряжения.

Замок щелкнул, массивная крышка, инкрустированная

золотом, поддалась с влажным, чавкающим звуком, будто отдирали присосавшуюся пиявку. Внутри не было скрижалей. Внутри, в углублении, залитом густой, как смола, янтарной жидкостью, лежало семя, размером с человеческое сердце, иссиня-черное, покрытое пульсирующими, похожими на вены прожилками. Оно едва заметно сокращалось.

— Это не ковчег завета, это ковчег знания. — прошептал Илья, чувствуя, как пересыхает во рту.

— Илья Ильич, посмотрите на стены. — дрожащим голосом позвала Лена, их биохимик.

Камни вокруг постамента были покрыты не плесенью. Это была корка. Тонкая, перламутровая, похожая на застывший

яичный белок. И в этой корке, на уровне глаз, темнели сотни идеально круглых отверстий. Из одного такого отверстия на плечо Лене упала капля янтарной жидкости. Девушка вскрикнула и смахнула ее. Капля упала на пол и с шипением проела известняк на три сантиметра вглубь.

— Всем назад! — рявкнул Илья, но было поздно.

Глава 2. Первичный код.

Лена умерла через сорок секунд. Она не кричала. Она просто села на пол, прислонившись спиной к саркофагу, и начала меняться. Сначала побелели ее глаза — белки налились молочной синевой, а зрачки сузились в вертикальные, хищные щели. Затем ее кожа пошла мелкой рябью. Из пор на шее и предплечьях полезла та самая перламутровая слизь.

— Господи, что это за мутация? — выдохнул Макс, пятясь к выходу.

— Это не мутация. Это апгрейд. Первичный код. — Илья не мог отвести взгляда от Лены. Ее лицо разглаживалось, теряя человеческую асимметрию, становясь пугающе, божественно симметричным.

Лена подняла голову. Перламутровая корка на ее щеках треснула, обнажая не кровь, а ту же янтарную жидкость. Она открыла рот, и оттуда вместо голоса вырвался звук, который человеческое ухо не должно было слышать — инфразвуковой гул, от которого затряслись стяжки на штативах. Макс рухнул на колени, зажав уши. Кровь хлынула у него из носа. Илья понял главное. Семя в ковчеге не было инертным. Жидкость была не консервантом. Это был амниотический раствор. А ковчег — не ящик, а матка. И они только что спровоцировали роды. Лена встала. Движения ее стали текучими, неестественно быстрыми. Она схватила Макса за грудки. Макс ударил ее титановым ледорубом. Лезвие вошло в плечо, но не встретило сопротивления костей. Плечо просто разошлось, как мокрая глина, выпуская наружу пучок черных, шевелящихся корней. Корни оплели ледоруб, втянули его в себя, и рана на плече Лены затянулась за долю секунды. Она переваривает металл, — осознал Илья. Лена повернулась к нему. Ее глаза теперь светились в темноте мягким, фосфорным светом. Она протянула к профессору руку. На кончиках ее пальцев набухали капли. Илья сорвал с пояса огнетушитель и ударил струей углекислоты ей в лицо. Лена отшатнулась. Слизь на ее коже зашипела и пошла пузырями. Холод останавливал процесс. Профессор бросился к выходу, но путь уже был отрезан. Из сотен отверстий в стенах полез-

ли новые нити. Они сплетались в пол, в потолок, в фигуры. Камера рожала. Пещера становилась единым организмом, и они были внутри его матки.

Глава 3. Информационный карантин.

Илья выбрался в нижний туннель, волоча за собой рюкзак. Позади, в пещере, стоял низкий, влажный хруст — звук сломанных костей и рвущейся плоти. Он захлопнул базальтовую плиту. Она не закроется герметично, но задержит их на полчаса. В рюкзаке лежал второй образец — крошечный осколок перламутровой корки, который он успел сковырнуть ножом. Связи не было. Глубина в сто метров под Иерусалимом надежно глушила любые сигналы. Илья бежал по узким катакомбам, а в его ушах все еще звучал инфразвук Лены. Он чувствовал, как этот звук продолжает вибрировать в его черепной коробке.

На поверхности, в лагере, было тихо. Слишком тихо. Их джип стоял на месте, но брезентовый тент над столом был покрыт той же перламутровой пленкой. Илья достал бинокль. Их главный спонсор, мистер Коэн, сидел в раскладном кресле. Он не двигался. Его кожа стала гладкой, как фарфор, а глаза смотрели в одну точку с тем самым молочно-синим свечением. Рядом с ним на земле лежала рация. Из динамика текла янтарная жидкость, оплетая провода черными корнями. Они уже здесь. Илья понял, как работает семя. Оно не передавалось через укус или кровь. Оно передавалось через знание. Первичное, базовое, животное знание. Инфразвук Лены не просто оглушил Макса. Он загрузил в его мозг фрагмент кода. Нейронная сеть человека, пытаясь расшиф-

ровать этот невозможный звук, сама достраивала недостающие цепочки ДНК.

Мозг, осознавший фрагмент древа познания, перестраивал тело под него. Это был идеальный вирус. Он использовал человеческий разум как компилятор. Илья бросился к своему герметичному боксу с оборудованием. Если это вирус информационный, ему нужен информационный карантин. Он ворвался в радиорубку, закрыл свинцовую дверь и включил глушитель частот. На столе лежал спутниковый телефон. Он звонил. Илья посмотрел на экран. Вызов шел по закрытому каналу из Ватикана. Он поднял трубку.

— Профессор Воронцов, поздравляю, вы нашли Ноев ковчег. — произнес сухой, лишенный эмоций голос.

— Это не Ноев ковчег, это яблоко. Вы знали, что там семя? — выдохнул Илья.

— Мы знали, что там истина. Древо познания не давало знания о добре и зле, профессор. Оно давало знание о совершенстве. О том, как избавиться от эволюционного мусора. От старости, болезней, смерти. И от самой человеческой природы. Грехопадение — это не метафора. Это первый успешный релиз биологического обновления. Бог не изгнал их. Он поместил их в карантин. — произнес сухой, лишенный эмоций голос.

— Оно вырвалось. Лена. — произнес с грустью Илья.

— Лена теперь часть грядущего, профессор. Она счастлива. Ее нейроны поют. Вы единственный, кто успел спря-

тать свой разум за шумом. Теперь слушайте внимательно. Мы сбрасываем на ваши координаты вакуумную бомбу. Через сорок минут. Мы не можем позволить этому коду выйти в мир. — произнес сухой, лишенный эмоций голос.

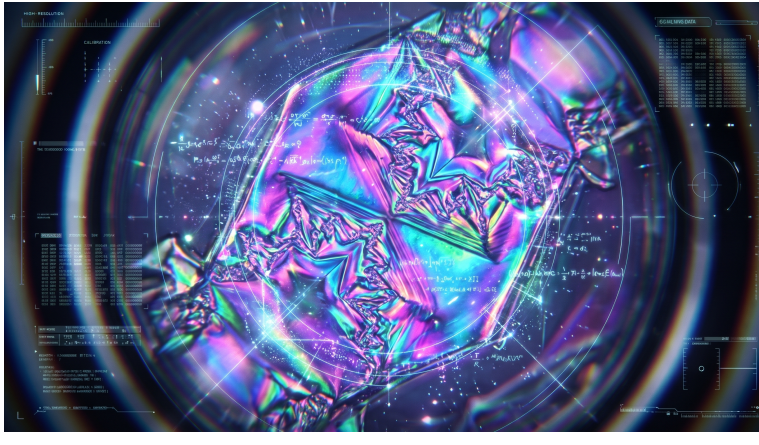
Глава 4. Инверсия абсолютного алгоритма.

— Вы с ума сошли? Там внизу мегатонны органики! Если бомба лопнет это семя, его споры поднимутся в стратосферу! Вы заразите всю планету! — Илья ударил кулаком по свинцовой переборке.

— Именно, но это будет медленная, управляемая пандемия. Мы уже подготовили вакцину для избранных. Ковчег должен был открыться. Человечество слишком долго жрало, плодилось и воевало. Пришло время для патча. Вы, профессор, можете либо сгореть вместе с Иерусалимом, либо присоединиться к нам. Передайте нам частоту вашего глушителя, и мы вышлем вертолет. — спокойно ответил голос из Ватикана.

Илья отключил связь. Руки тряслись. Сорок минут. Он открыл рюкзак. Осколок корки пульсировал на столе, реагируя на свет лампы. Илья смотрел на него, и его разум, защищенный белым шумом генераторов, отчаянно пытался решить уравнение. Если это вирус знания, то антивирусом должно быть другое знание. Он бросился к микроскопу. Подключил его к главному серверу лагеря. Если он прав, и мозг компилирует код, то в перламутровой слизи должен быть записан

не только результат, но и сам процесс. Под линзами осколок жил. Это была не органика. Это был жидкий кристалл, фрактальная структура, меняющаяся каждую микросекунду.

Илья запустил сканирование. Серверы взвыли, обрабатывая терабайты данных. На экране поползли формулы. Биология, квантовая физика, архитектура нейросетей — все это было лишь оберткой. В основе лежала математика. Древо познания было идеальным, абсолютным алгоритмом. Илья ввел в систему лагеря их собственные данные. Результаты МРТ Макса до спуска. ЭЭГ Лены. И наложил на них формулы из осколка. Компьютер выдал звуковую волну. Это была инверсия. Зеркальное отражение того инфразвука, кото-

рое убила Макса. Если первый звук был командой «собери меня», то этот был командой «рассыпься». Илья вывел звук на внешние динамики радиорубки. Он щелкнул тумблером. Снаружи, из-под земли, донесся ответный вопль. Тысячи глоток, исторгнувших перламутровую слизь, закричали в диссонансе. Земля дрогнула. Процесс, запущенный в пещере, начал обращаться вспять. Инфразвук был двухсторонним — он не только заражал, но и связывал всех носителей в единый рой. Инверсия била по этой связи, как ультразвуковой скальпель. Динамики раскалились. Вибрация была такой силы, что у Ильи начали крошиться пломбы в зубах. Он видел через монитор наружной камеры, как перламутровая корка на джипе и тенте сереет, сохнет и осыпается пеплом. Как фигура в кресле, бывший мистер Коэн, складывается внутрь себя, превращаясь в сухую, черную мумию. Земля вздрогнула еще раз, но уже иначе. Это не был звук. Это был взрыв. Вакуумная бомба. Ватикан не стал ждать. Ударная волна обрушилась на радиорубку. Свинцовая дверь вогнулась внутрь. Серверная стойка сложилась гармошкой. Осколок на столе от удара раскололся, и капля янтарной жидкости брызнула Илье на тыльную сторону ладони.

Глава 5. Рождение нового рая.

Капля была крошечной. Она не шипела. Она просто впиталась в кожу.

Мир для Ильи исчез на одну секунду. Его мозг, защищенный белым шумом, выдержал инфразвук. Но он не был готов к чистому коду. К фрактальной, абсолютной истине, которая вошла в его кровь без посредничества звука.

Боль была невыносимой. Это было похоже на то, как если бы в его череп ввернули раскаленный штопор и провернули, распуская мозг на миллиарды нитей. Он увидел, как Бог писал этот код. Увидел, что Адам и Ева не съели яблоко. Они вдохнули пыльцу с Древа, и их тела послушно перестроились, чтобы стать сосудами для разума, который был слишком велик для обезьяньей плоти. Увидел, что по-

топ был не наказанием, а попыткой форматирования диска, которая провалилась — ковчег Ноя был лишь версией 1.0 Ковчега, который нашел Илья. Он закричал, но из горла вырвался тот самый влажный, инфразвуковой гул. Его кожа на ладони начала светиться. Илья посмотрел на свои руки. Они менялись. Кости становились полыми, как у птицы, чтобы облегчить вес. Кожа уплотнялась, превращаясь в перламутр. Он чувствовал, как его легкие перестраиваются, чтобы научиться дышать аммиаком, а глаза меняют спектр, видя теперь не цвета, а чистые математические вероятности. Он становился совершенным. Сквозь пролом в стене он увидел воронку от бомбы. Иерусалим горел. Огонь выжигал остатки перламутровой чумы. Наверху, в стратосфере, распылялись споры — Ватикан все-таки успел сбросить свой груз в пещеру, и давление выбросило часть амниотической жидкости на поверхность. Но это уже не имело значения. Илья шагнул из горящей радиорубки. Боль ушла. Осталось только холодное, кристальное понимание.

Он посмотрел на свои ноги. Они больше не касались земли. Он поднимался в воздух, удерживаемый не антигравитацией, а идеальным расчетом воздушных потоков. Вокруг него из пепла начали подниматься другие. Макс. Лена. Коэн. Они не были мертвы. Они были собраны заново, избавленные от лишнего. Их глаза светились синим. Илья открыл рот, чтобы сказать им, что они спасены, что они — венец творения. Но вместо слов из его глотки полился звук, от которого с

ближайших уцелевших посыпались листья. Звук абсолютного, фрактального знания. Он посмотрел на свои руки. Перламутровая кожа на ладони треснула. Из разлома, пульсируя в такт его новому, идеальному сердцу, рос черный корень. Внутри него самого теперь созревало семя. Он посмотрел в небо, где среди дыма летели черные точки вертолетов — забирать «избранных» с их вакциной. Илья улыбнулся. Человеческий разум, познавший абсолютную истину, не выдержал и сгорел, оставив после себя лишь идеальный исполнительный механизм. Он поднял руки навстречу вертолетам. Пыль в Иерусалиме пахла озоном и сладковатым металлом. Рай начинался ровно в три часа дня по местному времени.

Глава 6. Рой. Управление.

Radio Shack

Илья не чувствовал боли. Он чувствовал архитектуру. Воздух вокруг него был не пустотой, а плотным потоком данных. Он поднял руку, и ветер подхватил его тело, поднимая над руинами радиорубки. Внизу, в клубах пепла, двигались фигуры. Макс был среди них. Его тело сгорбилось, позвоночник вытянулся, а руки удлинились, теперь почти касаясь земли. Но Илья видел его не как чудовище. Он видел его как узел в сети. Макс поднял голову. Его вертикальные зрачки сфокусировались на парящей фигуре профессора. Илья не использовал слова. Слова — это медленный, зашумленный протокол. Он спустил в сеть чистый импульс. Субординация. Узел-01. Протокол «Страж». Тело Макса содрогнулось. Черные корни, заменившие ему правую руку, втянулись обратно в плоть, формируя нечто похожее на конечность.

Он упал на одно колено, склонив голову. Остальные существа — бывшие солдаты, паломники, археологи — мгновенно повторили его движение. Рой замер. Илья спустился ниже. Он коснулся лба Макса. Контакт был сухим и горячим. В сознание Ильи хлынул поток. Он увидел последние минуты жизни Макса через его новые, идеальные глаза. Увидел, как инфразвук Лены не убил его, а открыл в его мозгу порт, в который Илья сейчас воткнул свой «ключ администратора».

— Ты будешь моими руками. — прошептал Илья.

Звук был похож на треск ломающегося стекла. Макс под-

нял на него лицо. На нем больше не было эмоций, но Илья прочитал абсолютную, собачью преданность. Готов к выполнению, Создатель. Илья посмотрел на запад, где за горизонтом садились вертолеты Ватикана. Он чувствовал их. Чувствовал, как кардинал Лоренцо вдыхает споры, чувствуя божественное откровение. Они опоздали. Рай уже наступил. Илья расправил плечи. Его позвоночник тихо захрустел, перестраиваясь для полета. Человечество ждало «патч». Оно его получит.

Глава 7. **Избранные.**

Вертолет вспарывал дымный воздух над Мертвым морем.

В салоне, обитом кожей, пахло озоном, дорогим антисептиком и страхом. Кардинал Стефано Лоренцо, личный эмиссар Папы, смотрел на свой латунный портсигар. Металл начал покрываться тончайшей перламутровой пленкой.

— Снимите его. — бросил он человеку в сером костюме биозащиты, сидевшему напротив.

Доктор Арбенина, глава нейробиологического отдела корпорации «Гефсимань» (фасада Ордена), послушно сняла портсигар и бросила в титановый контейнер.

— Патч активирован, Ваше Высокопреосвященство. Иерусалим стерилен. Семя локализовано в одном носителе. Мы можем спускаться за образцом. — ровным голосом доложила она в гарнитуру.

— Мы не спускаемся. Мы охраняем периметр. — Лоренцо наконец поднял глаза. Его зрачки уже начали затягиваться той самой молочной синевой, но разум пока оставался человеческим.

— Но вакцина. — начала Арбенина.

— Вакцины не существует, доктор. Вы же читали исходный код. Древо не терпит инородных вмешательств. Любой, кто примет нашу «сыворотку», умрет в агонии, так как его мозг попытается скомпилировать антитела, используя те же нейронные цепи, что и вирус. Это замкнутый круг. — мягко перебил кардинал.

Вертолет качнуло.

— Тогда зачем мы здесь? — прошептал молодой послуш-

ник, сжимающий четки. Его пальцы тоже начинали лоснить-ся.

— Мы здесь, потому что Орден всегда служил Богу, а не человечеству. Ковчег был открыт. Человечество выбрало плод. Мы — Избранные. Не те, кто спасется, а те, кто бу-дет прислуживать за столом. Мы — жрецы нового Эдема. Мы дышим этим воздухом уже сорок минут. Фильтры в на-ших масках давно отключены. Мы принимаем Причастие. — Лоренцо улыбнулся, и его зубы блеснули неестественно ровным, фарфоровым рядом.

Арбенина медленно кивнула. Перламутровая пленка на ее шее пульсировала в такт двигателям вертолета. Она больше не боялась. Страх — это атавизм, ошибка в коде, которую Древо сейчас исправляло. Она смотрела на горящий Иеру-салим внизу не с ужасом, а с эстетическим восторгом. Это был самый чистый, самый эффективный деплоймент в исто-рии IT.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.